

DOI: <https://dx.doi.org/10.18524/2312-6809.2018.27.146425>

УДК 821.161.1–1.Ширяев«20»

ДИАЛОГ С СЕРЕБРЯНЫМ ВЕКОВ В «АРГЕНТИНСКОМ» ЛИРИЧЕСКОМ СЮЖЕТЕ ПОЭТА-ЭМИГРАНТА А. ШИРЯЕВА. К ВОПРОСУ ОБ «АПОКАЛИПТИЧЕСКОЙ» ПОЭТИКЕ

Светлана Фокина, к. филол. н., доцент

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

svetlana_fokina@ukr.net

В статье исследовательский поиск направлен на выявление показателей диалога Андрея Ширяева с поэтической линией Серебряного века. Прослежены трансформации образной системы стихотворений О. Мандельштама, А. Ахматовой, А. Блока, М. Цветаевой, В. Каменского в рамках лирического сюжета стихотворения «Креольский дрозд поёт всё лучше с каждым днём...». Выявлены признаки близости авторскому сознанию А. Ширяева дионисийско-мистериального дискурса. Проанализированы признаки так называемой «апокалиптической» поэтики. Отмечена и некая тенденция тяготения к аполлоническим доминантам художественного мышления поэта-эмигранта. Осмыслено значение интертекстуальности и подтекста для создания ширяевского лирического сюжета.

***Ключевые слова:** диалог, Серебряный век, поэт-эмигрант, «апокалиптическая» поэтика, метафоричность, дионисийский дискурс.*

Актуальность поднятой проблемы обусловлена как интересом современной филологической мысли к феномену литератора-эмигранта, так и вниманием к аспектам дионисийского и аполлонического мироощущений художников слова.

Изученность. В предшествующей статье автора данного исследования была осуществлена попытка осмыслить «включение феномена танго и представлений о Карлосе Гарделе в авторский миф» [6, с. 279] Андрея Ширяева, а диалог поэта-эмигранта с Серебряным веком рассматривался в качестве перспективы дальнейшего исследования.

Цель — выявить, как интертекстуальные отсылки к лирике Серебряного века в ширяевском поэтическом тексте интерпретируются авторским поэтическим сознанием в ключе «апокалиптической» поэтики.

Ширяевское стихотворение «Креольский дрозд поёт всё лучше с каждым днём...» строится как своего рода парафраз прославленной и трагической биографии Карлоса Гарделя. Авторскую версию мифа о кумире Аргентины Карлосе Гарделе А. Ширяев создает через приз-

му углубленности в лирику Серебряного века как на уровне интертекстуальном, так и в плане усвоения его аксиологических доминант. По утверждению Ю. Степанова, «поэтика трагически ушедшего из жизни Андрея Ширяева максимально сложна и имеет <...> максимальный коэффициент тропонасыщенности» [5, с. 3]. Ярко выраженный метафорический потенциал лирики А. Ширяева, отмеченный Ю. Степановым, является свидетельством близости авторскому сознанию поэта-эмигранта элементов мистериально-дионисийского дискурса, с потенциальным тяготением соответственно к «апокалиптической поэтике».

<p><i>Креольский дрозд поёт всё лучше с каждым днём. Бессонница. Гардель. Говядина на льдине. В пространстве между мной и колумбийским дном проносится июнь, как ветер в Медельине.</i></p> <p><i>Шипит огонь. Шипит сквозь зубы патефон. Шнуруя у окна высокие ботинки, я нутаю узлы, когда мадам Ивонн, качнув бедром, легко спускается с пластинок.</i></p>	<p><i>Она идёт. И я, невидимый холуй, скольжу за ней, как тень от факела Гекубы. Гардель. Он так похож на грубый поцелуй, что, стоя у перил, она кусает губы.</i></p> <p><i>Балкон и танго. Ночь. Потёртый переплёт, в котором я — Харон, приبلудная гримаса — готовлю для него последний самолёт и жарю для неё божественное мясо.</i></p>
--	---

Неравнодушие А. Ширяева к метатеме музыки вообще, а в данном поэтическом тексте — интерес к феномену танго и к личности его легендарного исполнителя, помимо сильного потенциала, связанной и с биографической особенностью современного поэта: временной работой в консерватории и его выступлениями в качестве барда. Внимание к музыкальности и музыкальной мифологии в лирике А. Ширяева может иметь еще одно объяснение: своеобразии поэтического мышления автора, сопрягающего различные метафоры, мотивы, мифологемы и мерцающие образы в лирический сюжет, неожиданный и даже парадоксальный, внешне принципиально лишенный логичности развития. Такая специфика поэтического мышления близка барочной и авангардной поэзии, обнажает музыкальность мировосприятия автора. Другим важным аспектом авторского сознания А. Ширяева становится предрасположенность к дионисийскому мировосприятию и

установка на диалог как модель создания художественности и познания мира. Такой тип диалога, укорененный в дионисийство, согласно концепции О. А. Ханзен-Лёве, можно охарактеризовать как апокалиптический (от «apokalypstein» = обнаруживать, раскрывать) [см. 7, с. 141]. По утверждению О. А. Ханзен-Лёве, «дионисийство олицетворяет принцип <...> внутренних и тайных энергий, телесности и инкарнации, акустических и просодических выражений-восприятий» [7, с. 136]. Диалогичность, метафоричность, трагичность и «недосказанность экстаза и музыкального элемента» [7, с. 140] присущи дионисийскому творческому акту, и соответствуют апокалиптической поэтике, ориентированной на обнажение потаенного и придание глубины поверхностному. При этом ширяевская поэтика явно не лишена и определенного тяготения (по принципу взаимодополнения) к некоторым элементам аполлонического, в частности к высокой степени интертекстуальности и особенной значимости подтекста.

Примечательно, что в стихотворении, посвященном К. Гарделю, явно просматриваются интертекстуальные переключки с различными стихотворениями Серебряного века. В данном плане необходимо обозначить те поэтические тексты, из которых наиболее четко выступают цитаты, аллюзии и смысловые пласты в ткани лирического послания А. Ширяева, в игровом ключе обращенного к Гарделю и мадам Ивонн. Прежде всего, следует выделить стихотворения «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» О. Мандельштама, «Вечером» («Звенела музыка в саду...») А. Ахматовой, «Незнакомка» А. Блока, «Нет! Еще любовный голод...» М. Цветаевой и «Танго с коровами» В. Каменского. Отсылки к вышеупомянутым стихотворениям проявляются в ширяевском поэтическом тексте на уровне неточных, но вполне узнаваемых и даже эмблематических цитат.

А. Ширяев не только использует искаженную цитату-заглавие мандельштамовского стихотворения, но и переосмысляет ряд его мотивов, моделируя, таким образом, подтекстовый пласт своего лирического сюжета. Общая для обоих поэтических текстов тема бессонницы, но в ширяевском варианте вместо Гомера фигурирует Гардель. Такая переориентировка не случайна и означает установку на разнонаправленный диалог, как признак апокалиптической поэтики. Диалогические коды акцентируют глубинную значимость для автора культуры античности, европейского наследия, а главное — поэтической линии Серебряного века. При этом замена Гомера Гарделем зна-

менуется необходимой А. Ширяеву смену ориентиров для авторского сознания, особенно в процессе идентификации. Гардель становится знаком близости латиноамериканской эпистемы для эмигрировавшего в Эквадор русского поэта. Для А. Ширяева Гардель осмыслиется как мифологическая фигура певца способная стать альтернативой великому эллинскому аэду, создавшему «Илиаду» и «Одиссею». Видимо, в восприятии А. Ширяева танго, исполняемые Карлосом Гарделем, их мифологизация народным сознанием, для Аргентинской и шире всей Ибероамериканской культуры становятся своего рода вариантом гомеровских поэм.

Другой аспект реминисценции мандельштамовского стихотворения в поэтическом дискурсе А. Ширяева – трансформации темы журавлиного клина в полет Гарделя в Медельин, Елены Троянской в образ роковой и притягательной мадам Ивонн, мотива шума моря и грохота в аллюзию авиакатастрофы, в которой гибнет Гардель.

<i>О. Мандельштам «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»</i>	<i>А. Ширяева «Креольский дрозд поёт всё лучше с каждым днём...»</i>
<i>... сей поезд журавлиный, Что над Элладою когда-то поднялся.</i>	<i>В пространстве между мной и колумбийским дном проносится июнь, как ветер в Медельине</i>
<i>Куда плывете вы? Когда бы не Елена, Что Троя вам одна, ахейские мужи?</i>	<i>я путаю узлы, когда мадам Ивонн, качнув бедром, легко спускается с пластинки</i>
<i>И море черное, витийствуя, шумит И с тяжким грохотом подходит к изголовью.</i>	<i>готовлю для него последний самолёт</i>

Созвучия поэтического текста А. Ширяева, посвященного Гарделю, со стихотворением А. Ахматовой, более скрыты, чем парафразы из О. Мандельштама. Но для моделирования ширяевского лирического сюжета ахматовские пласты не менее значимы. Мотив горестного музыкального звона модифицируется в метатему танго, исполняемых при жизни К. Гарделем. Образ устриц на льду заменяется телятиной, видимо в подтексте подключая смысловой комплекс, связанный с символом заклания тельца и жертвоприношения. Есть переключки и темы любовного свидания, решенные А. Ахматовой и современным поэтом. В ахматовском лирическом послании обыгры-

вається підчеркнуто маскулинний образ перемітателя, обласаючого загадочною, насмешливою, невзмутимою і нескілько внешне холодною природою, что вызивает в воображенні читателя воспоминання об іміджі Ніколая Гуміліва, підтримуваном самим поетом і проявляючесья в ахматовській ліриці как «вполне узнаваемая гумілевська поетическая «мимика»» [4, с. 249]. В ширяевській же поетическій версії міфологема мужественности переадресовується Гарделю, а роковое начало — фантомной мадам Івонн.

<i>А. Ахматова «Вечером»</i>	<i>А. Ширяев</i>
<i>Звенела музыка в саду Таким невыразимым горем. Свежо и остро пахли морем На блюде устрицы во льду.</i>	<i>«Бессонница. Гардель. Говядина на льдине»;</i>
<i>«Он мне сказал: «Я верный друг!» И моего коснулся платья»; «Лишь смех в глазах его спокойных Под легким золотом ресниц».</i>	<i>Гардель. Он так похож на грубый поцелуй, что, стоя у перил, она кусает губы.</i>
<i>А скорбных скрипок голоса Поют за стелющимся дымом: «Благослови же небеса — Ты в первый раз одна с любимым».</i>	<i>Балкон и танго. Ночь. Потёртый переплёт, <...> и жарю для неё божественное мясо.</i>

В стихотворении А. Ширяева образ мадам Івонн і самоощущение лирического героя явно ориентированы и на парафраз «Незнакомки» А. Блока. Мотив ночного пира и ощущение обреченности и уединения из ширяевской поетической фантазии явно перекликаются с ресторанной темой и мотивом одиночества у А. Блока. Образ солнца, упомянутый А. Блоком (*А в небе, ко всему приученный, / Бессмысленно кривится диск*), в тексте А. Ширяева модифицируется в диск пластинки (*«...когда мадам Івонн, качнув бедром, легко спускается с пластинки*). Блоківська загадочная Незнакомка, представляющая видением, появляющаяся, *«Всегда без спутников, одна, Дыша духами и туманами»* и неизменно связанная с переходным пространством окна, преобразується в ширяевском поетическом сознании в еще более призрачную мадам Івонн, которую также окрещают прямо и потенциально медиальные объекты (*узлы, пластинка, перила, балкон*). Зачарованность блоківського героя и образы сонных официантов и пьяниц *«с глазами кроликов»* заменены самоопределением ширяевского лирического «я», характеризующего свою уничижительную позицию

влюбленного быть незаметным спутником-служгой. Облик блоковской Незнакомки («*И шляпа с траурными перьями*») трансформируется во «вдовство» Мадам Ивонн после гибели Гарделя. В модифицированном виде А. Ширяев также обыгрывает блоковские строки «*Глухие тайны мне поручены, / Мне чье-то солнце вручено*», задавая экзистенциал обреченности лирического героя стать в мистериальном плане своего рода посредником гибели Гарделя («*готовлю для него последний самолёт / и жарю для неё божественное мясо*»).

<p>А. Блок «Незнакомка»</p>	<p>А. Ширяев «Креольский дрозд поёт всё лучше с каждым днём...»</p>
<p><i>И каждый вечер, в час назначенный, (Иль это только снится мне?) Девичий стан, шелками схваченный, В туманном движется окне</i></p>	<p>«я путаю узлы, когда мадам Ивонн, качнув бедром, легко спускается с пластинки»; «Гардель. Он так похож на грубый поцелуй, что, стоя у перил, она кусает губы».</p>
<p>«Как я, смирен и оглушен»; «И странной близостью закованный»</p>	<p>«Она идёт. И я, невидимый холуй, скольжу за ней, как тень от факела Геккубы»; «...Потёртый переплёт, в котором я — Харон, прибудная гримаса»</p>

Тема **любовного голода** и каннибалические коннотации как метафора страсти, сближают стихотворение А. Ширяева с образной системой поэтического текста М. Цветаевой «Нет! Еще любовный голод...». Переосмысление цветаевских строк «*Но увы! На этот детский / Рот — Ширази лепестки! Все людское людоедство / Точит зверские клыки*» пронизывает ткань поэтической фантазии А. Ширяева. Идею «любовного голода» воплощает мадам Ивонн. Гардель же воплощает зрелость и мужественность («*Гардель. Он так похож на грубый поцелуй*»), переиначивающие цветаевский образ «детского рта». Гибель певца танго, неистовая любовь всего латиноамериканского мира и безжалостность к нему судьбы, становится ширяевским переосмыслением мотива «людского людоедства».

В ширяевской поэтической фантазии цветаевская метафора людоедства реализуется практически буквально как возможность поедания мадам Ивонн «плоти» сторевшего Гарделя («*И жарю для нее божественное мясо*»). Такой аспект высвечивает в героине демониче-

ские коннотации, акцентируя тему вампиризма. В то же время «вдовство» героини символически реализует ее желание воссоединения с Гарделем, аналогично страсти лирического героя к роковой женщине-фантому. По мнению Т. Михайловой и М. Одесского, «стремление обрести возлюбленную описывается посредством проекции как ее собственное желание воссоединиться с героем. Подвидом сюжета о жене из Иного мира может быть назван фольклорный мотив о расколдовывании девушки, временно (или от рождения) попавшей во власть сил тьмы» [3, с. 135]. Аналогичная ситуация, обыгрываемая в подтексте лирического сюжета А. Ширяева, позволяет интерпретировать стремление лирического героя униженно служить мадам Ивонн и необходимость переживать трагическую гибель Гарделя, даже чувствовать себя ее соучастником («*готовлю для него последний самолет*»), как потенциальную возможность расколдовывания аргентинской версии Незнакомки.

В рамках данного научного поиска необходимо уточнить положение о сущности мадам Ивонн, предложенное автором исследования на предыдущих этапах осмысления феномена танго как музыки страсти в ширяевском лирическом послании [см. 6]. В предшествующей статье утверждалось: «... мадам Ивонн, становится воплощением сексуальности и предчувствия эротического переживания. Желая Гарделя, опьяненная музыкой танго, «*она кусает губы*», что выдает интенсивность ее влечения, эротические стремления — даже симуляцию поцелуя, и предвкушение поглощения» [6, с. 282]. Следует отметить, А. Ширяев поливалентно моделирует женский образ-призрак, так что мадам Ивонн возможно воспринимать и как демоницу, и как воплощение влюбленности и непосредственности. Героиня оказывается сама зачарованной, а ее жизненный цикл совпадает с вращением диска пластинки с записью голоса Гарделя.

В стихотворении А. Ширяева есть мотивы и образы также, несомненно, общие с «Танго с коровами» В. Каменского: быстротечность жизни, танго, полет, говядина / мясо, заменяющее каменсковских коров, переходные пространства, граммофон, девушка, превратившаяся в ширяевской версии в воспетую Гарделем мадам Ивонн. Соотнесение загадочной мадам Ивонн с образом восхищенной и зардевшийся от счастья видеть авиатора каменсковской «пунцовой девушки» позволяет дать новый код для интерпретации ширяевского женского образа. В данной проекции героиня-фантом предстает ли-

пенной демоничности и рокового ореола Елены Троянской, обретая другую еленину ипостась быть воплощением женской прелести.

«Танго с коровами» В. Каменского	«Креольский дрозд поёт всё лучше с каждым днём...» А. Ширияева
<i>Жизнь короче визга воробья;</i>	<i>В пространстве между мной и колумбийским дном / проносится июнь, как ветер в Медельине;</i>
<i>Мы — Открыватели Стран — Завоеватели Воздуха</i>	<i>готовлю для него последний самолёт</i>
<i>Или лучше — заведем граммофон</i>	<i>Шипит огонь. Шипит сквозь зубы патефон</i>
<i>Я хочу один — один плясать Танго с коровами</i>	<i>Гардель. Он так похож на грубый поцелуй; Балкон и танго...</i>
<i>От слез / Бычьей ревности</i>	<i>Говядина на льдине; и жарю для неё божественное мясо</i>
<i>И перекидывать мосты</i>	<i>у окна; я путаю узлы; стоя у перил; балкон</i>
<i>До слез Пуницовой девушки</i>	<i>...когда мадам Ивонн, качнув бедром, легко спускается с пластинки</i>

А. Ширияев трансформирует коровью тему из каменсковского поэтического текста, имплицитно вводя в свой стихотворение символ заклания тельца с авторским акцентом на гастрономическом коде («Бессонница. Гардель. Говядина на льдине»). Для аргентинской культуры показательной интерпретации мифологемы заклания не только в сугубо религиозном контексте, но и в плане документальном. Так в романе аргентинского писателя Томаса Элоя Мартинеса «Он поет танго» есть следующее упоминание: «...в Музее латиноамериканского искусства я натолкнулся на короткометражный фильм 1961 года под названием «Ремесло», в котором показывалось, как коров оглушают ударами молота, а потом живьем сдирают с них шкуру» [2, с.147]. Таким образом, знак заклания может восприниматься как преобразованный элемент эллино-христианских традиций в рамках самобытной аргентинской эпистемы.

Гардель в мифологическом смысле предстает жертвой, что запускает механизм сакрализации. С точки зрения С. Зенкина, обретение сакральности соответствует двум этапам прохождения ритуала: жертвоприношение сменяющееся обретением божественности, в семиотическом плане предстает как «сложная игра подмен и «неузнаваемых»

ритуально-мифологічних превращень» [1, с. 229]. Статус жертви активізує в ширяєвському поетическому тексті діонісійський комплекс і відповідуючі потенціали трагічності, трансгресивності, метафоричності.

Висновки. Інтертекстуальні посилання до поетическим текстам О. Мандельштама, А. Ахматової, А. Блока, М. Цветаєвої, В. Каменського вступають в діалог со стихотворенням А. Ширяєва о Гарделе, формуючи підтекстовий рівень, який в то ж час стає чимось на зразок авторського коментаря-подстрочника. Трансгресивний потенціал образної системи поетическої фантазії російського поета о Гарделе можна пояснити рядом факторів. С однієї сторони близькістю діонісійському типу мироощущення, даючого установку на поліфонічність і музикальність. С другої – потенціальною пограничністю авторського свідання поета-емігранта. Ширяєвський поетический міф визначає знахідку як неопосередковано авторського, так і лірического «я» на перетині культури російської, європейської і латиноамериканської з характерним набором різних міфологем, образів, інтертекстів. Пошук А. Ширяєвим в аргентинському епістемологіческому наслідді шляхів для нової самоідентифікації, органіческих «апокаліптическої поезії», направлєн на одновремениє утвердження своєї укорєненності в традиції лірики Сєребряного віка.

СПИСОК ІСПОЛЬЗОВАНИХ ІСТОЧНИКОВ

1. Зєнкін С. Небожєстєнное сакральное: Теория и художєстєнная практика / С. Зєнкін. – М. : РГГУ, 2012. – 537 с.
2. Мартинєс Т. Э. Он поєт танго / Т. Э. Мартинєс. – М. : Эксмо, 2006. – 288 с.
3. Михайлова Т. А. Граф Дракула: опыт описания / Т. А. Михайлова, М. П. Одєсский. – М. : ОГИ, 2009. – 208 с.
4. Пахарєва Т. А. Из чєго соткан «Гость» А. Ахматової / Т. А. Пахарєва // Сєребряный век: діалог культур : [сб. науч. ст.] / [отв. ред. Н. М. Раковская]. – Одєсса : Астропринт, 2018. – С. 244–256.
5. Степанов Ю. Выдающийся поєт Андрей Ширяєв : [предисловіє к изданию] / Ю. Степанов // Ширяєв А. В. Случайный ангєл. – М. : Издательство Евгєния Степанова, 2016. – С. 3–5.
6. Фокина С. А. Інтерпрєтація танго як музики страсти в поетическої фантазії Андрея Ширяєва о Гарделє / С. А. Фокина // Мова і культура (Науковий журнал). – К. : Видавничий дїм Дмитра Бурого, 2018. – Вип. 21; Т. V (194). – С. 278–286.

7. Ханзен-Лёве О. А. Интермедиальность в русской культуре: От символизма к авангарду ; [пер. с нем.] / О. А. Ханзен-Лёве. — М. : РГГУ, 2016. — 450 с.
8. Ширияев А. «Креольский дрозд поёт всё лучше с каждым днём...» [Электронный ресурс] / А. Ширияев // Мастер зеркал — поэзия и проза. — Режим доступа к ист. : <http://www.shiryaev.com/kreolskij-droz-d-poyot-vsyoluchshe-s-kazhdym-dnyom/>

ДІАЛОГ ЗІ СРІБНИМ ВІКОМ В «АРГЕНТИНСЬКОМУ» ЛІРИЧНОМУ СЮЖЕТІ ПОЕТА-ЕМІГРАНТА А. ШИРЯЄВА. ДО ПИТАННЯ ПРО «АПОКАЛІПТИЧНУ» ПОЕТИКУ

Світлана Фокіна, к. філол. н., доцент

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

У статті дослідницький пошук спрямований на виявлення показників діалогу Андрія Ширияєва з поетичною лінією Срібного століття. Простежені трансформації образної системи віршів О. Мандельштама, А. Ахматової, А. Блока, М. Цветаєвої, В. Каменського в рамках ліричного сюжету вірша «Креольський дрозд поет все лучше з каждым днем...». Виявлені ознаки близькості авторської свідомості А. Ширияєва до діонісійсько-містеріального дискурсу. Проаналізовані ознаки так званої «апокаліптичної» поезики. Відзначено певну тенденцію стосовно тяжіння до аполонієвських домінант художнього мислення поета-емігранта. Осмислено значення інтертекстуальності та підтексту для створення ширияєвського ліричного сюжету.

Ключові слова: діалог, Срібне століття, поет-емігрант, «апокаліптична» поезика, метафоричність, діонісійський дискурс.

DIALOGUE WITH THE SILVER AGE IN THE «ARGENTINA» LYRICAL PLOT OF THE POET EMIGRANT A. SHIRYAEV. TO THE QUESTION OF «APOCALYPTIC» POETICS

Svetlana Fokina, Candidate of Philology, associate professor

Odessa I. I. Mechnikov National University

*The relevance of the **lifted problem** is caused as the interest of a modern philological thought in a phenomenon of the writer emigrant, and attention in aspects of Dionysian and Apollonian attitudes of literary artists. **The purpose** of article is to reveal as intertextual sendings to lyrics of the Silver age in the shiryaevsky poetic text are interpreted by author's poetic consciousness in a key of «apocalyptic» poetics. The poem «The Creole Thrush Sings Better and Better Every Day ...» is under construction as paraphrases of the glorified and tragic biography of Carlos Gardel. A. Shiryaev is creates the author's version of the myth about an idol of Argentina Carlos Gardel at undoubted depth in lyrics of the Silver age. Pronounced metaphorical potential of lyrics of A. Shiryaev is the evi-*

dence of proximity author's consciousness of the poet emigrant of elements mysteriological Dionysian a discourse, with potential inclination respectively to «apocalyptic poetics». During the research have been analysed signs of so-called «apocalyptic» poetics. Also a certain tendency of inclination to Apollonian dominants of art thinking of the poet emigrant is noted. The implication of the poem of Shiryayev is formed by intertextual sendings to O. Mandelstam «Insomnia. Homer. Hard sails ...», A. Akhmatova «In evening» («Music ringed in a garden...»), A. Blok «The Stranger», M. Tsvetaeva «There is no love hunger yet...», V. Kamensky «Tango with cows» poetic texts. This subtext level is something like the author's comment and the word-per-word translation. The poetic myth by A. Shiryayev is characterized by proximity to Dionysian type of attitude and the transgressive nature of author's consciousness of the poet emigrant.

Key words: dialogue, Silver age, poet emigrant, «apocalyptic» poetics, metaphoricalness, Dionysian discourse.

REFERENCES

1. Zenkin, S. (2012), *Nebozhestvennoe sakral'noe : Teorija i hudozhestvennaja praktika* [Not divine sacral : Theory and art practice], RGGU, Moscow, Russia.
2. Martines, T. Je. (2006), *On poet tango* [He sings a tango], Jeksmo, Moscow, Russia.
3. Mihajlova, T. A. and Odesskij, M. P. (2009), *Graf Drakula : opyt opisaniya* [Count Dracula : experience of the description], OGI, Moscow, Russia.
4. Pahareva, T. A. (2018), «From what A. Akhmatova's «Guest» is weaved», *Serebrjanyj vek: dialog kul'tur*, pp. 244–256.
5. Stepanov, Iu. *Vydaiushchisya poet Andrei Shiriaev : (predislovie k izdaniyu)* [Outstanding poet Andrey Shiryayev: (the preface to the edition)], *Shiriaev A. V. Sluchainyi angel*, Izdatelstvo Evgeniia Stepanova, Moscow, Russia, 2016, pp. 3–5.
6. Fokina, S. A. (2018), «Interpretation of a tango as passion music in poetic imagination of Andrey Shiryayev about Gardel», *Mova i kul'tura*, vol. 21 / 5, pp. 278–286.
7. Hanzen-Ljove, O. A. (2016), *Intermedial'nost' v russkoj kul'ture : Ot simbolizma k avangardu* [Intermediality in the Russian culture: From symbolism to avant-garde], RGGU, Moscow, Russia.
8. Shirjaev, A. «Kreol'skij drozd pojot vsjo luchshe s kazhdym dnjom...» [«The Creole thrush sings better and better every day ...» : lyric poem], available at: <http://www.shiryaev.com/kreolskij-drozd-poyot-vsyo-luchshe-s-kazhdym-dnyom/>

Стаття надійшла до редакції 18 серпня 2018 р.